
Андрей НИКИТИН

РАССКАЗЫ

ВКУС

(Из цикла «Человек по частям»)

— Это не просто открытие, — сказал, наклонившись, Артур, — не понимаю, почему я не додумался до этого раньше. Ведь кто отвечает за вкус и за все, что мы едим? Именно рецепторы.

Он говорил быстро, не переставая класть в тарелку еду. Сидящий на другом краю стола мужчина в очках почесал подбородок и откинулся на спинку стула, глядя поверх тарелки на молодого парня.

— Что ты хочешь сказать, Артур? — спросил мужчина, — что теперь ты можешь есть все подряд?

— Не просто есть все подряд, — сказал Артур, прожевав, — а даже то, что нельзя или невозможно есть.

— Как такое может быть? — удивился Петр, поправляя очки, — а если, например, ты будешь есть дерево или металл?

— Несовместимые с жизнью продукты есть я не могу, — сказал Артур, улыбнувшись, — даже мои капли не помогут в этом. Если пища нормальна, но немного испорчена, то ее вкус совершенно меняется, поймите. Вкус можно сделать любым.

— Но для чего? — спросил Петр, вновь поправляя очки. Его мало интересовало то, что парень мог предложить. Он краем глаза наблюдал за столиками в ресторане. Официанты мелькали, как бабочки вокруг цветков, а сидящие клиенты, в основном пары, улыбались и общались. Все напоминало шумный прием, и никто не догадывался, что за столиком у окна дядя с племянником обсуждали изобретение, способное изменить мир.

— Я знаю, дядя, вы не уверены во мне, но слушаете, потому что я ваш единственный племянник, а своих детей у вас нет. Однако и вы поймите, что если мне не дать шанс, эта возможность может быть потеряна.

— Вспомни своего отца, — сказал Петр, поправляя очки, — помнишь? Он умер прямо на судне, от малярии, когда заказ уже выполнили и возвращались обратно в Украину. Он не упустил своей возможности, деньги были у него в кармане, но он погиб. Тебя не беспокоит, что подобное может постигнуть любого?

— При чем тут это?

— Всегда нужно бояться неизвестного, Артур. Твое изобретение опасно не только для тебя, но и для всех, кто будет им пользоваться. Ты не считаешь это риском? Твой отец тоже рисковал.

Артур не ответил, отвернувшись. Он всегда хотел пойти в рейс, почтя этим память отца, но не было возможности. Приключения и слава кипели в его крови, но для этого были нужны финансы.

Андрей Никитин родился в 1986 году. Публиковался в журналах «Неман» (Минск), «Лава» (Харьков), «Зарубежные задворки», в интернет-изданиях «Международный культурный портал „Эксперимент“», журнал компьютерной литературы «Bigital», «Отчубучка», «Кругозор», «Новая литература», «Автограф». Живет в Одессе.

— Мы немного отклонились от темы, дядя, — сказал парень, — ведь я говорил про изменение вкуса. Это будет прорыв в науке. Если у меня все получится, я стану богатым.

— Не всегда в жизни главное деньги, Артур, — сказал Петр, — но я одобряю твои попытки изменить мир. Это хорошо. Плохо, когда тебя никто не поддерживает, плохо, когда тебя никто не ждет. Когда ты станешь стариком, придет одиночество. Сейчас это слово для тебя пустой звук, но в старости оно превращается в железные оковы на твоей шее.

— Вам еще рано об этом думать, — сказал Артур, — итак, дядя, дайте мне неделю, и я точно скажу, насколько хорошо работает мое изобретение.

— Пусть так, мальчик, пусть так. Даю неделю.

Артур смотрел телевизор на кухне и делал смесь. Он смешал несколько жидкостей в определенной пропорции, посолил, затем нагрел стальную кружку со смесью на огне и дал остыть. По его расчетам, пропорция была верна, и это было важнее всего. Важна была точность до грамма. Вручат ли ему конверт с финансированием проекта или порвут на глазах, зависело от сегодняшнего вечера. Что должно произойти? Вкусовые рецепторы меняются и притупляются, но главное — с этим не переборщить, иначе можно их попросту спалить. Мозг получает команду изменить восприятие вкуса, и это должно стать залогом успеха.

Рука тряслась. Артур смотрел в зеркало и пытался представить, любовался ли собой отец, сидя в каюте в последние дни жизни. Смотрел ли он на себя, понимал ли, что не доплывет до берега?

Артур отбросил эти мысли, набрал пипеткой смесь и накапал себе на язык пять капель, затем начал ждать. Час спустя он попробовал луковицу, медленно разжевал и улыбнулся тому, что не ощущал горечи. Он съел луковицу, затем достал сосиску и обильно полил ее горчицей. Тоже никаких неприятных ощущений. Он съел протухшее яйцо, которое специально держал для этого случая. Вкуса не ощутил, но запах убрать не получилось. Артур знал, что капли помогают переварить любую пищу безболезненно для желудка. После этого эксперимента оставалось только ждать последствий. Вызывать «скорую» или идти за наградой. В этот раз Артур остался доволен и ночью долго не мог уснуть, предвкушая премии и огромное количество денег, а также славу. Все это казалось реальным и близким, оставалось дотянуться рукой. Уснул он лишь под утро.

— Я же говорил, что ничего страшного не произойдет, — сказал Артур, сидя перед дядей в ресторане, — я ощущаю приятный вкус, сладковатый и нежный, будто ем много фруктов, мороженое или зефир. Теперь любая еда будет вкусной. Забудьте горы приправ, добавок, готовки и кухонных мучений. Несколько капель препарата, и любой повар станет асом.

— Объясни подробнее, Артур. Нельзя сравнивать зефир и мороженое. Это совсем разные вкусы. Ты не можешь сказать определенной? И что касается побочных эффектов?

Артур улыбался, ощущая себя на вершине славы. Он теребил солянку и сахарницу, стоящие перед ним в одинаковых прямоугольных емкостях. Лишь надписи сбоку говорили о содержимом. У Артура дома были такие же, только надписи давно стерлись.

— Вкус зависит от пропорции, дядя, а побочного ничего нет.

— Но если для тебя нет вреда, это не значит, что препарат подойдет всем. Нужно провести много исследований, нужно точно установить, как и на что влияет вкус. Что происходит с вкусовыми рецепторами?

— Они будто поддаются гипнозу. Я обманываю их. Вот и все. Рецепторы, мозг и желудок. А больше ничего и не нужно.

Петр молчал, понимая, что если у племянника все получится, он станет богатым. Эта мысль его радовала и беспокоила одновременно, но он еще с прошлой встречи приготовил кое-что.

— По поводу того, что ты не ощущаешь неприятного вкуса, есть одна история, — сказал Петр, наклонившись к собеседнику, — возможно, ты слышал. Смерть на судне «Капитолия».

— Не слышал.

— Произошло это шесть лет назад. Весь персонал судна, кроме повара, ужинал, но когда дело дошло до основного блюда, капитан и остальные матросы заметили, что оно сильно пересолено. Капитан вскрикнул от возмущения, и все вместе направились к повару, чтоб потрепать его как следует за эту оплошность. Когда они вошли в каюту, увидели, что повар мертв, лежит на полу, руки разведены в стороны. Лицо бледное, глаза закрыты. Все были в шоке, так как повар, принеся еду, ушел к себе, и никто за ним не следовал. Все были на виду. Но как бы то ни было, повар убит, что тут же установил судовой врач.

— И что было дальше?

— Я тебе дам несколько подсказок, а ты попробуй догадаться, что произошло. Несколько фактов бросались в глаза, но будто не были связаны со случившимся. Судовой врач выгнал всех из помещения, подошел к телу и проверил пульс, затем вышел, запер дверь и сказал, что повар мертв примерно час, то есть погиб сразу после того, как разнес блюда, а на шее у него был след от укола шприцем. Позже в тот день всех обыскали, и в каюте капитана нашли шприц с цианидом, успевший подсохнуть. Капитан и повар ненавидели друг друга. Мотив щиплет глаза, но все не так просто, как ты думаешь.

— И о чем мне должно это говорить? При чем тут пересоленное блюдо?

— Это ты должен понять сам, но если не сможешь, позже я скажу тебе ответ.

Артур распрощался с дядей, не думая об услышанной истории. Он размышлял лишь о том, что скажет его родственник через шесть дней, когда он должен будет отчитаться о возможных побочных эффектах. Настроение у Артура было хорошим.

Неделя ожидания тянулась долго. Артур смотрел телевизор и пил пиво, надеясь, что дядя протолкнет его изобретение как можно дальше в палату судей. Он наслаждался жизнью и думал только о том, как станет богатым, а затем уйдет в рейс. Всего один раз, как всегда хотел его отец. Это будет как татуировка на теле с именем погибшего родителя.

Артур взял жменю чипсов и съел, затем удивленно посмотрел на пачку и лежащие крошки. Взял еще жменю, тщательно разжевал, проглотил. Он ничего не почувствовал. Он открыл бутылку пива, выпил, вновь ничего. Он не ощущал вкуса.

— Что за черт? — спросил он. — Я не пил смесь уже четыре дня.

Он пошел к холодильнику и ел все подряд, с каждым разом теряя надежду. Слезы наворачивались на глаза, он опустился на колени возле холодильника, понимая, что не чувствует вкуса продуктов. Вот и побочный эффект. Он пошел в комнату и позвонил дяде.

— Я вынужден отклонить твою просьбу, — сказал Петр, сидя перед парнем. Это был отказ от финансирования проекта, — ты сам себе подписал этот приговор, не суди строго.

Артур сидел с опущенной головой и глядел на лежащую на столе еду. Кусок хлеба с горчицей, который он положил, не вызывал во рту горечи или дискомфорта. Теперь вся еда для него была одного и того же вкуса: размокшей бумаги. Парень замкнулся в себе, мало говорил и будто постарел. Он больше не думал ни о чем, кроме того, что цель, к которой он стремился, стала губительной.

— Если тебя это утешит, я могу договориться, чтоб у тебя взяли интервью, ведь ты хоть попробовал, но не добился успеха. Пробовать — это ведь часть победы.

— Чем закончилась история о смерти судового кока? — спросил Артур, подняв глаза. — Я так и не догадался.

Петр задумался, отпил вина, затем вытерся салфеткой.

— Все закончилось ошибкой судового врача. Единственное, в чем он ошибся, это лекарство. Врач подсыпал повару клофелин, который и вывел повара из строя, но главный вопрос, который ты не задал, что за блюдо было пересолено. Это был суп. Врач сам специально пересолил его, и потому все это заметили. Он сделал это, чтоб отвлечь внимание и заставить всех пойти к повару. В каюте он всех отогнал от тела и вколол в кровь коку яд, после чего уже никто не сомневался, что тот мертв. Он единственный врач на судне, и никто не мог проверить его слов.

— Но для чего он так поступил?

— Возможно, в это трудно поверить, но врач был недоволен каютой, которую ему предложили. И убил повара, чтоб переехать на его место, подставив капитана.

Петр отпил вина, вновь вытерся салфеткой, глядя на подавленное состояние племянника. Ответ на загадочное убийство не произвел никакого эффекта, но этого и не нужно было. Петр частично был доволен, что Артур прогорел, хоть от таких мыслей и ощущал внутреннюю боль.

Артур стоял на балконе и пил пиво. Прошло несколько недель, а ситуация не менялась. Он не ощущал вкуса. Он ломал голову над подобным упущением, не понимал, где ошибся. Артуру надоело пытаться решить проблему. Он вспомнил разговор с дядей и вспомнил решение его загадки, связанной с убийством на судне.

— Врач специально пересолил суп, чтоб все пошли в каюту кока. Но он делал это в спешке. Что если бы он перепутал сахар и соль? Тогда бы никто не заметил этого так быстро.

Артур резко остановился и щелкнул пальцами. Он вспомнил, как, сидя в ресторане, менял местами солонку и сахарницу, не слушая дядю и не вникая в историю.

Внезапно его осенило. Какая-то мысль пробила, будто стрелой, и заставила схватиться за голову.

— Я перепутал соль и сахар, — сказал Артур пустому помещению, — этот эффект вызван моей невнимательностью. Если бы не дядя со своей историей, я так и не понял бы этого.

Через несколько часов он ужинал, отрезая кусочки мяса и кладя на тарелку. Постепенно на его лице появлялась улыбка. Он жевал и улыбался, запивал вином. Через минуту Артур начал смеяться.

— Альтернатива плохой пище есть, — сказал Артур, стоя на трибуне. Перед ним был набитый людьми зал. Все ждали этой лекции давно, стояла странная тишина. Жюри одобрило проект, и теперь дело было за толпой.

— Этот изменитель вкуса хоть и не облегчит жизнь, но даст возможность есть все что угодно и когда угодно. Это лучшее лекарство от плохой еды. Две капли раствора, и человек не чувствует ничего на весь день. Можно есть все, не будучи заподозренным или раскрытым. Процесс можно продлить до тех пор, пока не понадобится противоядие.

— А для чего это нам? — спросил голос из зала.

— Это нам для путешествий. Можно питаться одной похлебкой и насыщаться, кушая самую дешевую еду. Для тех, у кого нет денег, это неплохая перспектива. И вкус можно ощущать любой на выбор.

— Это никому не нужно! Трата денег!

— Это их экономия в трудные времена. Не для всех они существуют, но те, кто не может позволить дорогую пищу, смогут позволить изменитель.

Толпа людей не осталась довольной, но пуля попала в цель, и через несколько дней Артур стал знаменитым.

— Дядя, есть кое-что, что вы должны знать, — сказал Артур, — история, что вы мне рассказали про смерть на судне, слишком предсказуема.

На улице шел дождь, вдали мелькнула молния. Дядя и племянник стояли перед окном во всю стену и видели в стекле собственные отражения с бокалами в руках. За их спинами был банкет в честь нового открытия. Стояли накрытые столы, горели свечи, и женский смех разносился по залу.

— Ты разгадал ее?

— Да. Разгадал, — сказал Артур, — судебной врач — единственный, кто мог определить точное время смерти. Конечно, он соврал, сказав, что кок умер час назад. Кок вообще не был мертв, лишь потерял сознание, выпив клофелин, подмешанный в его флягу. А врач сам сделал ему укол цианида, когда выгнал всех за дверь и остался с ним наедине. Эту версию мне сказали вы. Но она не совсем верна. Я подумал, почему он так рисковал? Почему он сразу не подсыпал цианид во флягу? Но потом я понял. Потому что кок должен был умереть немного позже, чтоб все были в этот момент за столом. Тем более врач хотел подставить капитана и подбросил ему шприц. Если бы следа от укола не было, подставить было бы сложнее. Итак, у всех есть алиби, и на врача никто не думал. Искали постороннего человека, ведь укол мог сделать только кто-то чужой, не находившийся за столом, то есть либо сам кок, либо неизвестный.

Петр смотрел на племянника и улыбался, затем склонил голову набок.

— Ты верно мыслишь, Артур, все верно.

После этих слов настроение у Петра упало. Он будто проиграл крупную сумму денег в пари, но старался это скрыть.

— Но есть еще кое-что, дядя, — сказал Артур, повернувшись к окну, — я разгадал ваш замысел. Вы не хотите, чтоб я отправлялся в рейс. Вы знали, что я хочу уйти плавать, но боялись за меня. Мой отец умер недалеко от Африки, прямо на судне, от малярии. Вы знали, что я хотел почтить его память, следуя по стопам, но придумали эту историю, чтоб отговорить меня. Однако, придумав историю, вы не учли одного. Если бы история была в реальности, все подозрения упали бы на рулевого. Ведь одновременно обедать могли все, кроме него, он должен был следить за направлением, следовательно, только он мог убить кока. Вы не учли, что кто-то должен был остаться у руля, потому ваша история маловероятна. Я решил поддержать ее, проследив за ходом ваших мыслей, и затем расколол эту скорлупу.

Артур повернулся к дяде и смотрел в глаза, держа бокал перед собой. Он блефовал, пользуясь тем, что его дядя ничего не знал о судах и мореходстве. Петр молчал, затем отвернулся, отпил шампанского и улыбнулся, глядя на шумный зал, где все обсуждали новое вкусовое изобретение.

Это был решающий момент. Оба это поняли. Мнимое собеседование и обмен любезностями служили комплиментом. Петр понял, что Артур не поплывет без согласия дяди, иначе сделал бы это тайно. Это было приятно осознавать, но нужно было принимать решение.

— Я не стану удерживать тебя, Артур, — сказал Петр, не поворачивая головы, — да, ты прав, я не хотел отпускать тебя и придумал эту глупую историю, но теперь я понимаю, что тебя удержать невозможно. Ты отдашь долг отцу, и правильно поступишь. Надеюсь, с тобой все будет в порядке. Не понимаю, зачем тебе это теперь, когда у тебя куча денег?

— Всего один рейс, дядя, — сказал Артур, — и я вернусь. Этот рейс как обещание отцу. Я не могу теперь ему ничем помочь, могу только выполнить обещание.

Петр кивнул и отвернулся к окну, глядя на далекие огни большого города, мелькающие вдали.

— Вы для меня стали словно второй отец, — казал Артур, подойдя на шаг, — не переживайте, я не покину вас навсегда и буду стараться, чтоб ничего не случилось.

— Спасибо, Артур, — сказал мужчина.

— Кстати, дядя. У этого вина замечательный вкус. Вы знаете толк в выборе алкоголя. Артур подмигнул собеседнику. Петр протянул руку, Артур ее пожал. Оба улыбались.

ВЗГЛЯД

(Из цикла «Человек по частям»)

Темная ночь. Пожар поедал двухэтажный дом. Сонный мужчина вскочил, быстро разбудил супругу, взял ребенка из кроватки. Повсюду слышался треск, дым щипал глаза. Рита начала кашлять и задыхаться. Дима тащил ее, держа ребенка.

— Нам нужно идти, — говорил он, остановившись на секунду, оглядываясь. В панике он не знал, что делать, забыл, где выход. Он был тут будто впервые. Дым менял все вокруг. Прошло несколько секунд, и он бежит к уличной двери, выбивает ее ногой. Вокруг все освещено заревом огня, по телу прошла прохлада. Дима, наклонившись, выбегает во двор, останавливается, делает вдох. Дышать легко. Он оглядывается. На руках ребенок. Во дворе он видит собравшихся соседей, они таскают ведрами воду, но это не помогает. Дима видит своих знакомых, но не помнит, кого и как зовут, не понимает, что делать. Он оглядывается.

— Где Рита? — спрашивает он ближайшего к нему человека. Он быстро отдает ребенка и, пригнувшись, возвращается в дом. Виктор Петрович, принявший ребенка, не успел удержать мужчину.

— Постой, Дима, — кричит он, но Дима уже скрылся в дверном проеме. Его черный силуэт на фоне огня мелькнул один раз, затем исчез, скрывшись в сером дыме. Через десяток секунд стали слышны его крики. Дима кричал, находясь в объёме пожаром доме. Соседи, стоящие во дворе, не видели его и не могли помочь. Через двадцать секунд Дима перестал кричать, еще через десять минут приехали пожарные, но к тому времени оба родителя были уже мертвы. Причиной пожара оказалось короткое замыкание из-за перегрызенного крысой провода.

Еще долгие месяцы соседям, наблюдавшим во дворе за пожаром, слышался по ночам громкий крик пойманного огнем мужчины.

Небольшая закусочная возле леса, сделанная из дерева, напоминавшая домик охотника, начинала работу в девять утра. Это было непоколебимым правилом. Иногда машины сворачивали с трассы к домику. Яркая табличка приветливо приглашала людей перекусить и отдохнуть. Не было вдоль трассы ничего подобного на протяжении двадцати километров в обе стороны, кроме этого небольшого местечка. Домик был в двух километрах от дороги. Он был окружен лесом, вокруг аромат сосен, слышались стук дятлов и голоса кукушек.

У домика, на котором было написано «Взгляд на сосны», остановилась супружеская пара. Девушка оглядывала высокие деревья, окружавшие дворик, парень вышел

из машины и прошел внутрь, по деревянным ступеням. На доске объявлений, слева от входа, висело несколько портретов пропавших девушек, предложения о продаже недвижимости и некоторые заметки, оставленные самими клиентами, в виде разноцветных квадратиков, прижатых булавкой. Внутри два посетителя, сидящие за угловым столиком, о чем-то беседовали. Бармен, оказавшийся одновременно и хозяином заведения, приветливо усмехнулся и встал с кресла, где смотрел телевизор.

— Могу я вам помочь? — спросил он.

— Да. Есть у вас вода? — спросил парень. — Сегодня жарко, а по дороге ни одного магазина.

— Понимаю, — сказал молодой хозяин и прошел за барную стойку. Через секунду на стойке появилась бутылка холодной минеральной воды.

— Сколько с меня?

— Десять гривен.

— Никогда не слышал, чтоб в лесу был магазин. Часто бывают клиенты?

— Не очень, — сказал хозяин, — но это не слишком важно. Я не существую за их счет, просто помогаю проезжающим.

— И какая вам выгода? — спросил парень, взяв бутылку, ощутив ладонью прохладу.

— Это долго объяснять.

— А я не тороплюсь, — ответил парень, глядя через окно, как его девушка собирала шишки, лежащие под соснами.

Бабушка ухаживала за ребенком, пока он рос. Она любила его и отдавала всю теплоту и ласку единственному внуку, чьи родители погибли при пожаре. Ребенок окончил школу, затем университет, переехал в город, стал появляться дома все реже, а бабушка продолжала сидеть вечерами на скамейке и высматривать идущего домой внука.

Женя не торопился в деревню, где была его единственная родственница, он жил собственной жизнью, старался стать взрослее. Он стал замечать, что люди относятся к нему сочувственно, жалеют его. Для всех, знающих его историю, он был жертвой, убитый горем ребенок, нуждающийся в сочувствии. Он хотел только насладиться жизнью, выловить из нее все, что было, словно пропустив через фильтр. Он хотел жить, не понимая, что любовь — чувство взаимное и одному его трудно воспринимать, трудно ощутить и трудно понять. Женя любил бабушку, но отдалялся от нее, стараясь не скреплять эту связь, а подтачивать, желая просто жить по правилам. Он всегда жил по правилам, но не верил в них. Женя часто говорил, что правила созданы для удобства и безопасности, и только. Они не являются законом для человека.

— Как вас зовут? — спросил молодой хозяин, обратившись к гостю, искоса поглядывая на сидящих в углу мужчин, что давно допили напитки и просто беседовали, делая вид, что никуда не торопятся, ожидая, пока хозяин на минуту выйдет из помещения.

— Олег, — сказал парень.

— Меня Женя, — сказал молодой хозяин, — приятно познакомиться. Мне нечасто случается пообщаться с посетителями, но если вы не торопитесь, могу вам рассказать, как проходят мои будни.

Двое посетителей докурили, взяли висевшие на спинках стульев свитера и покинули помещение, не оставив на столе ничего, кроме грязных чашек. Их голоса отдалялись. Женя видел, как они на секунду остановились у машины, затем продолжили идти, свернув с дороги на тропинку, ведущую между деревьев.

— Местные ребята, — сказал Женя, — если идти напрямик через лес, через двадцать минут можно выйти к деревне.

— Понятно, — сказал Олег.

— Я родился и рос в той деревне. Мой отец спас мне жизнь, когда я был маленький. Я не помню этого и только по словам окружающих могу это представить. Родители погибли, когда я был грудным ребенком. Меня растила бабушка.

- Мои соболезнования.
- Спасибо. Давайте пройдемся. Я покажу кое-что.
- Что именно? — спросил Олег, глянув на супругу, стоящую под соснами.
- Я живу по правилам, но докажу, что их можно нарушать.
- Ну что же, давайте. Если это не займет много времени.
- Я не буду запирать магазинчик. Тут почти никто не бывает. Прогулка займет десять минут в обе стороны.

Женя проснулся от треска. Дом горел. Он искал жену и сына, но их не было рядом. Дым заполнял помещение, глаза слезились. Женя задыхался. В панике он бросился в коридор, затем в комнату сына, часть дома была объята огнем, и он никуда больше не успел попасть. Он выбежал на улицу, думая, что они уже там.

— Ира, Коля! — кричал он, шурясь от резкого перехода с пылающего дома в темноту ночи. Со всех сторон был лес, вокруг не было ни души. Женя заметил что-то желтое в траве, затем красное чуть дальше. Это была бумажка от конфеты, погрызенная и облюбованная. Дальше была обертка от печенья. В свете огня Женя увидел на траве чье-то тело. Он подбежал, но тело вскочило. Это была собака. Она отбежала, в ее пасти была недоеденная курица. Женя мгновенно понял, что собака влезла через открытое окно и хозяйничала на кухне, зацепив керосиновую лампу, которую Женя оставил на ночь. Комната сына через коридор вела в кухню, и лампа, стоявшая там, служила ночником. Женя пригляделся к собаке, затем повернулся и посмотрел на дом. Он не слышал криков, но понимал, что входить туда не было смысла. Дверная рама была объята пламенем, дым словно вываливался из дверей и окон, раздавались треск стекол и звуки лопающегося пластика. Женя упал на колени, по лицу катились слезы. Он ничего не мог сделать.

— Мой дом сгорел дотла три года назад, — сказал Женя, глянув на Олега, — жена и ребенок погибли.

- И отчего произошел пожар?
- Я не знаю точно, но почти уверен, что виной была собака. Может быть, собака сбросила керосиновую лампу, стоявшую вместо ночника, на пол, ища в доме еду. Мои родители тоже погибли от пожара. Я рад, что бабушка умерла до того, как узнала, что в моей жизни произошел повторный случай, отнявший остатки моей семьи.

Он помолчал.

— Я живу по правилам, но они лишь для удобства. Например, магазин открывается в девять, и еще ни разу я не отступил от этого. Я одинок, мне тяжело найти кого-то, и это нормально, это своего рода правило жизни. Как стереотип или закономерность. Мой отец погиб, но он действовал по правилам, шел спасать супругу. Вот и все, что нужно знать о правилах. Они направляют нашу жизнь, одновременно ломая ее.

— А что вы теперь будете делать? — спросил Олег. — Вы тут один?

Женя улыбнулся и покачал головой. Они шли вдоль тропинки между кустов и деревьев и теперь остановились у небольшого холмика. За ним начинался густой лес.

— Не совсем один, — сказал Женя и взошел на холмик. Он стоял во весь рост, высоко подняв голову, уперев руки в бока. Он громко свистнул, затем огляделся. Через минуту, в течение которой он не двигался, послышались шорох и шуршание откуда-то слева. Из-за покрытых сосновыми шишками кустов показалась собака. Она шла медленно, вывалив язык. Собака казалась ухоженной. Увидев взгляд Жени, она села и закрыла рот. Она смотрела на Женю, а он на нее. Это длилось примерно полминуты.

Затем Женя приподнял руку, оставив ее ладонью вниз, собака подбежала и прошла под рукой, касаясь шерстью ладони.

— Вот видите, — сказал Женя, улыбаясь, — я тут не один. У меня есть друг.

Женя часто приходил туда, где раньше был его дом. Клал цветы на развалины, сидел на пенёчке и смотрел в пустоту, думая о том, что причиной пожара была собака. В округе не было ни одного соседа, но собака была не дикой. На ней был красный ошейник. Женя сидел с опущенной головой и думал, что делать. Ему хотелось отмстить, убить собаку. Она убила его семью, хоть и случайно. Придя в очередной раз на развалины дома, он увидел ее, сидящую у дерева. Они смотрели друг на друга.

— Подойди, дружок, — сказал Женя, протянув руку, но собака не шелохнулась, он пошел к ней, она убежала. В следующий раз он приготовил кусок мяса и поставил ловушку. Это была хитрая тварь, но недостаточно. Она попала в клетку. Когда Женя пришел и присел на одно колено у клетки, держа в руке длинный нож, собака не реагировала. Они смотрели друг на друга через прутья решетки и молчали. Этот взгляд говорил обоим очень много.

— Ну что, дружок, ты убил мою семью? Я знаю, что ты не осознаешь этого и не можешь ничего поделать, но это был ты. И теперь я тебя поймал.

Гнев и злость читались в глазах Жени. Он сжал нож и приготовился открыть клетку, собираясь зарезать животное.

— Что скажешь, дружок, сделать это быстро или медленно? Мои родные умирали медленно, горя в собственном доме, а ты стоял и наблюдал за этим, поедая кусок мяса.

Пес привстал и завыл, затем опустил голову и заскулил, виляя хвостом. Он будто готовился к своей участи. Женя смотрел на собаку, она на него. Это был будто сеанс безмолвного общения, непонятный остальным, в котором участвовали только два существа. Женя не зарезал собаку. Он всегда действовал по правилам.

— Так вы оставили собаку? Я думал, что вы убили ее.

Олег и Женя шли обратно. Показался лесной домик. Женя держал руки в карманах.

— Нет, не убил. Но не всегда смерть — лучший выход, или лучше будет сказать, что не для всех. Всем дают шанс, даже убийцам. Я дал его собаке, которая убила мою семью. Я оставил ей жизнь, хоть это и было трудно.

— И что за шанс?

— Я ходил, обмотанный вещами моего погибшего ребенка. Пес запомнил его запах. Я брал его на могилу ребенка и показывал, что произошло. Я раньше не знал, понимает ли меня пес, знает ли, что он натворил, что погубил мою семью, но теперь я уверен, что он все знает. Когда мы приходим на могилу сына или супруги, пес воеет. Я спокойно сижу, курю и смотрю, как он мечется, словно под ним горит земля.

— Вам не кажется это жестоким? Собака ведь не виновата.

— Жестоким? Я думал, что поступаю гуманно, оставляя ей жизнь.

Оба помолчали. Они подошли ко входу, стали на деревянных ступенях. Изнутри доносились звуки телевизора. Супруга Олега подошла ближе.

— Правила созданы для удобства и безопасности, но они не закон для человека.

— И что это означает?

— Если бы мой отец осознал, что, войдя в дом, он погибнет, все было бы иначе, но он поступил по правилам, он хотел спасти мою мать. Он спас меня и остался в глазах многих героем. Я оставил собаку в живых. И каждый раз, как мы смотрим друг другу в глаза, я понимаю, что в какой-то степени я поборол все преграды, я не сломался, когда жизнь меня избивала. Я устоял на ногах. Я осознаю себя чуточку героем, сумевшим сохранить жизнь. Может, я буду всегда один, но я не сдаюсь. Жизнь меня хотела

слоमितь, но я выстоял и не начал мстить. Я не такой. Это звучит странно, но мне неважно, что думают другие.

— Нет, вы правы, — сказал Олег, — я начинаю вас понимать. Вы сильный человек. Олег протянул руку, Женя пожал ее. Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Удачи вам, — сказал Олег, — надеюсь, все у вас будет хорошо.

Олег с супругой прошли в машину. Женя наблюдал за ними, стоя на ступенях, пока автомобиль не скрылся за деревьями по дороге к трассе.

— О чем вы говорили? — спросила Ира, когда они отъехали немного.

— У этого парня погибла вся семья от пожара. Дом сгорел из-за собаки, но парень не убил ее, а оставил как напоминание о том, что он может нарушать правила и не следовать всеобщим понятиям.

— Что за глупость? Я бы, наверно, сама убила этого пса, — она повернулась к мужу, — а ты?

— Я думаю, что тоже. Но ведь убить легче всего, а собака это сделала неосознанно. Потому я и думаю, что парень силен духом. Этим поступком он только доказал это. Ему будет легко в жизни. И я верю, что все у него будет хорошо. У парня какой-то странный взгляд. Мне его жалко, он добрый малый, но его взгляд не дает мне покоя. Возможно, все убитые горем люди смотрят на жизнь иначе. В следующий раз обязательно посетим этот магазинчик.

Был поздний вечер. Женя свистнул, подбежала собака и улеглась на коврик под барной стойкой. Женя запер входную дверь, прошел в подвал, где был маленький кабинет. На письменном столе горела лампа. В углу, у стены небольшая клетка, в которой лежали останки какого-то животного. На клетке лежали красный ошейник и небольшая баночка с острыми клыками. Трудно было сразу сказать, что в клетке были кости собаки, ведь из всех костей целых было мало.

— Вот видишь, дружок, вот ты мне и пригодился. Я герой и жертва, которая благодаря тебе набирает авторитет. Все больше людей знают, что я милосердный, сильный духом и любимчик горожан. Правила — это ведь не закон.

Он подошел к клетке, спустил джинсы и помочился на подсохшие кости.

— Сегодня я буду поздно. Сегодня у меня свидание.

Женя заправил рубашку в джинсы, причесался у зеркала, открыл ящик письменного стола, в котором было несколько фотографий девушек. Он достал оттуда складной ножик, наручники, выключил настольную лампу и поднялся по ступеням, насвистывая приятную мелодию. Через секунду подвальная дверца захлопнулась.

ПАРЕНЬ, КОТОРЫЙ УЛЫБАЛСЯ

Вначале меня волновали меняющие место холмы, но позже я к ним привык. Лена объяснила, что это твердое море. По вечерам мы часто стояли у берегов этого «моря» и глядели на обездвиженные горбы твердых волн.

— Как такое может быть? — спросил я. — Если это волны, тогда почему они не двигаются, а если холмы, то как могут менять свое местоположение?

Девушка отпустила мою руку, взглянула мне в лицо и сказала:

— Пойди туда, и все поймешь. Пройдись по волнам. Ты сможешь все понять в одно мгновение, если нет, я объясню.

Как все просто. Когда вы в руках девушки, она считает, что во всем вас умнее. Но если вы к ней неравнодушны, это только на руку.

С тех пор как я приехал в Новогорье, находящееся на берегу моря, я впервые увидел, что такое твердая вода. Тут я увиделся с Леной, тут мы впервые поцеловались, и тут я планировал прожить всю жизнь.

Можно ли не доверять человеку, которого любишь? Вряд ли. Конечно, сомнения есть всегда, но что они такое по сравнению с тем стальным тросом, который тянет нас на поступок, хоть отчасти заставляющий улыбнуться дорогого человека?

Я подошел к берегу. Жидкость была сине-зеленого цвета, как водоросли, долго пролежавшие на солнце. Эта смесь была мутной и плотной, будто в одно мгновение кто-то заставил замереть всю морскую воду.

— Не бойся, — услышал я. Не могу сказать, что не было страшно, но сомнения шептали об опасности. Мутный слой плотной воды простирался передо мной в бескрайнюю даль. Я знал, что раньше это было море, подтверждением были видневшиеся корабли, стоящие посреди новообразованной пустыни. Но это было раньше. А что сейчас?

— Пошли со мной, Денис, — сказала Лена и взяла меня за руку. Мы посмотрели друг другу в глаза и шагнули вместе на плотную зеленую массу, только она шагнула раньше, а я немного позже.

— Не бойся, — говорила она, — это всего лишь твердая вода. После падения метеорита море превратилось в твердое вещество. Это все еще жидкость, но настолько плотная, что по ней можно ходить.

Мы держались за руки и шли. Я со страхом, она с улыбкой. Я могу понять ее, ведь она родилась после того, как вода затвердела, и привыкла видеть это всю жизнь. Но я видел это впервые. Мы шли, и я ощущал себя будто в пустыне. Повсюду зеленоватые дюны, только ступать было немного мягко, да и замершие корабли сбивали с толку.

— Если бросить шар для боулинга сюда, — сказала Лена, — он достигнет дна за двое суток, медленно погружаясь в эту жидкость. А если сделать два фото берега с разницей в один месяц, можно будет увидеть, как волна набегаёт на песок.

— А если туда попадет человек?

— Для этого тебе нужно не сходить с места сутки, чтоб погрузиться на опасно глубокое расстояние.

Я смотрел на зеленую пустыню твердой воды и думал только о том, что мне не хочется больше отпускать руку этой девушки. Я любил ее. Она догадывалась и желала слышать это от меня, а я пока не был готов.

Наш домик стоял посреди пляжа. Домики шли вдоль всего берега, казалось, что этому нет конца. Я знал, что твердую воду используют в качестве своеобразного топлива, которое не горит, а, подобно пружине, выполняет работу в специальном механизме, но увидел это впервые.

Твердую воду срезали и помещали в емкости, перевозили по разным городам мира, но и при таких объемах работ, как подумал я, моря хватит настолько, что скорее солнце перестанет светить, чем мы добудем весь твердый материал. С утра и до вечера раздавались звуки пилы и электроинструмента, слышались работающие двигатели приезжавших грузовиков и дребезжащая работа генераторов. Мне нравилась моя работа.

Мы переписывались с Леной давно. Ее отец умер, она осталась на его месте и пригласила меня. Я согласился не сразу и только сейчас понимаю, что за долгие три недели моих раздумий это место на пляже мог занять кто-то другой.

В полдень работать было слишком жарко, и мы отдохали в домике. Наступала тишина, но не везде. Были на пляже и трудоголики, решившие заменить драгоценное здоровье на зеленую долларовую бумажку.

Наш сосед был немного странным, но приятным человеком. Иногда он приходил к нам в домик и приносил прохладного пива. Как ему удавалось держать его прохлад-

ным, я сперва не понимал, ведь его генератор не работал весь день, как в других домиках. Однажды он рассказал мне об этом.

— Все очень просто, парень, — сказал Майк, — ведь мы на пляже. А вода хоть и твердая, но не так нагревается, как песок, потому тут и прохладней, чем в пустыне. Подумамай над этим, Денис.

И я подумал над этим, но не понял, что он имел в виду. Конечно, я догадывался, что он использовал воду, но не понимал как. Майк был худым, ходил в светлых шортах и майке, а на голове, загибаясь от ветра, была шляпа. Он был хорошим парнем, и я думал посоветоваться с ним по поводу Лены. Я любил ее, но не знал, как об этом сказать. Майк казался мне опытным, к тому же его привычка постоянно улыбаться мне нравилась. Я ни разу не видел, чтоб его лицо было хмурым или недовольным. Сперва мне это нравилось, но затем его белые зубы, блестящие на солнце, стали мне сниться.

Работа летом была тяжелой, но платили хорошо. Мы с Леной давно решили объединить наши сердца. Мы были близки, не в первую ночь, но в первую совместную неделю. Для меня, скажу честно, это был комплимент, ведь по жизни я парень скромный. Мы работали, отдыхали, часто по вечерам уходили далеко вдоль воды, надеясь увидеть, как на горизонте горят огоньки людей, поселившихся на заброшенных судах. Казалось, будто это упавшие с неба звезды, запутавшиеся в бесконечном зеленом ковре. Было красиво. На берегу было не менее зрелищно по вечерам. Часто устраивались барбекю, ходили в гости друг к другу. Майк был частым гостем, но мне немного было его жаль, ведь он был одинок, хоть внешне довольно симпатичен.

— Странно, что он один, — сказала мне Лена, когда мы лежали в объятиях друг друга. Она заговорила об этом после секса, и у меня появилось некоторое беспокойство, что она может связать слово «секс» с именем нашего соседа. Странно и глупо, но я ревновал, хоть и подсознательно понимал, что это нормально, особенно на ранней стадии любви, когда ее только достали из духовки и положили на подоконник остывать. Постоянно кажется, что запах девственных чувств привлечет иных самцов. Скажу честно, я не видел в Майке соперника, но относился к нему подозрительно.

Мы с Леной жили три недели вместе, работали, помогали друг другу, занимались любовью, но я так и не рассказал ей, почему приехал так срочно, бросив все. Я получил ее письмо, после чего поругался с родителями. Они не хотели, чтоб я ехал, я же стремился покинуть дом, но не потому, что не любил их, а потому, что мне нужно было что-то новое. Тем более фотография Лены меня покорила. Я не говорил ей о своей семейной ссоре, и эта грусть грызла меня изнутри. Конечно, я понимал, что придет время, и она обо всем узнает, но могло что-то произойти. Например, я мог помириться с ними и безболезненно жить дальше, и эта высокая волна злобы не коснулась бы ног моей девушки. Но ответ пришел оттуда, откуда я его не ждал.

Мы сидели на крыльце в креслах и пили пиво, глядя на закат солнца. Я держал любимую девушку за руку, наслаждался ветерком и прохладным пивом, и за это мне еще платили. Что может быть лучше? Я видел, как мимо прошел Майк. Его улыбка блестела на темном лице. Но в этот раз я увидел еще кое-что.

— У него синяк? — спросил я, обратившись к Лене.

— Я не видела, — сказала она, — думаешь, он подрался с кем-то?

— Не знаю, вряд ли он скажет об этом, даже если я его спрошу.

— Да уж, такой он человек. Постоянно доволен и не хочет пачкать мир проблемами.

Я немного подумал и решил зайти проведать Майка. Свет в его доме горел, играла музыка, и я понял, что он не собирался спать. Между нами были дружеские отношения, и я думал спросить его про травму.

Я подошел к его дому, поднялся по ступеням. Хотел постучать, толкнул дверь, она была не заперта. Не знаю, почему меня это не удивило. Вновь перед глазами был блеск

его улыбки. Я вошел. В доме было прибрано, чисто. На столе порядок, играла музыка из магнитофона. Я думал, что Майк в душе, ведь будь он с девушкой, наверняка бы заперся.

— Майк! — крикнул я, не зная, слышит ли он меня из-за музыки. — Майк, это Денис.

Никакого ответа, но я постеснялся выключить музыку. Я стоял и ждал. В углу комнаты был куб твердой воды, в нем было несколько отверстий, из которых торчали пивные бутылки. Я понял, как Майку удавалось пить прохладное пиво. Внезапно я увидел беспорядок в соседней комнате. Меня это удивило, но подсознание шептало:

— Это нормально, ведь он не такой, как все, он постоянно улыбается, для него это нормально.

Я услышал крики и шум, приоткрыл дверь в комнату и увидел Майка. Он со злостью грыз подушку, ругался матом, бил ногами по специальной мягкой кукле, которая претерпела столько ножевых ранений, что я не мог определить, как она выглядела раньше. Я замер, затем медленно и тихо отступил, не зная, что делать. Это был первый раз, когда я не увидел улыбку на лице Майка. Я увидел на нем агрессию, злость и ненависть. Из его ругательств я понял, что они связаны с синяком под глазом. Я отошел к двери, затем вышел из дому и прикрыл дверь. Я сидел на крыльце и глядел на море. Оно было неподвижно, как всегда. Дети бегали по зеленому ковру твердой жидкости и догоняли друг друга. Где-то слышались работы генераторов. Вдоль пляжа появились огни, люди включали свет. Майк вышел на крыльцо и удивился, увидев меня. Он улыбался, протянул руку и принес извинения за то, что заставил ждать.

— Я просто отдыхал, — сказал он, — радовался жизни, мечтал и уснул.

Я ничего не ответил и немного сожалел об этом, ведь мне показалось, что он догадался о лжи, но не отреагировал.

— Я не знал, дома ты или нет, — сказал я, поднявшись, не глядя в глаза, — хотел попить пива, поболтать.

— Конечно, конечно, — сказал он и пригласил меня, предложил пива, усадил за стол. Мы сидели и болтали. Мельком я видел, что дальняя комната прибрана и там нет больше изорванной подушки и изрезанной куклы. Майк, как всегда, шутил и улыбался, я радовался вместе с ним, но в тот вечер я понял, что не все так просто, как кажется. Я словно увидел настоящего Майка, сбросившего маску или даже панцирь. Я начал его бояться. Я спросил за синяк, он сказал, что упал и ударился. Я не поверил.

Несколько дней спустя, когда мы с Леной лежали в постели и серый свет луны медленно полз по стене, я подумал о том, что могло быть причиной подобного поведения соседа. Я знал, что он одинок, но он не показывал горя, слабости или боли. Он был счастлив. Однако после увиденной сцены я понимал, что он просто хороший актер и вся энергия, что кипела в этом улыбающемся котле, вырвалась наружу, исполосовав детскую куклу острым лезвием. Я знал, что это результат одиночества. Он не поделился проблемой, и подрывной клапан вовремя не открылся.

— Лена, я хочу тебе кое-что сказать.

— Говори.

Секунду назад я был готов открыться перед ней, сообщить все, что знаю, поделиться информацией, только бы не потерять ее доверия, ее влюбленного взгляда, который рассеется как туман, если я буду лгать. Но теперь, когда я решился, было что-то останавливающее. Некая стопорная линия, пересекая которую останется только раскрыть парашют.

— Лена. Я приехал к тебе, так как ты мне понравилась с первого взгляда. Но это не все. Мои родители были против того, чтоб я приехал. Не знаю, как они относятся к этому сейчас, но тогда они не хотели меня отпускать. Я говорю это потому, что не

хочу скрывать. Возможно, это не так важно, но я хочу, чтоб ты знала. Они не были против моего заработка, но были против нашего с тобой общения.

— Но ведь они меня не знали, — сказала Лена.

— Да. Они тебя не знали, но они боялись за меня. И запрещали ехать. Это может звучать обидно, но это правда. Я не хочу скрывать от тебя ничего.

Лена ничего не ответила, повернулась на другой бок и молча лежала. Вскоре я понял, что она спит, но я долго не мог уснуть.

Когда я проснулся, завтрак уже был на столе, как всегда, но от этого мое настроение не улучшилось. Я боялся, что наговорил лишнего, и шел как приговоренный на казнь.

— Доброе утро, — сказал я.

Лена стояла у плиты спиной ко мне и ничего не ответила. Через несколько минут она обернулась и подошла к столу. В ее руках была тарелка блинчиков. Лена села напротив. Я молчал.

— Ты ведь не думаешь, что я буду злиться? — спросила она.

— Я не знаю.

— Родители всегда поступают так, как считают верным, но они смотрят на вещи со своей стороны, а мы со своей. Мнения могут расходиться, это не страшно. Да, мне неприятно, что тебя не пускали, но ты сейчас со мной, и ты не уехал. Значит, все хорошо.

— Я не собираюсь уезжать.

— Что произошло вчера?

— Ничего.

— Что так резко поменяло тебя, будто заставив говорить правду? Ты мог не говорить этого, но ты себя заставил. Что стало причиной?

Я подумал, что упоминание о нашем соседе будет не слишком уместным, особенно из-за того, что останется пятном на девственной душе девушки. Это было неправильно, но нужно было отвечать, и отвечать так, чтоб Лене ответ понравился.

— Я не хотел бы начинать нашу совместную жизнь со лжи, — сказал я, — вчера я принял решение и теперь хочу его озвучить. Лена, я хочу, чтоб мы были всегда вместе. Я буду ждать твоего ответа, но хочу, чтоб ты знала, что я тебя люблю. Хочу, чтоб ты стала моей супругой.

Лена не ответила, глядя на меня, затем поднялась со стула, подошла и села на колени. Обняла меня за шею, поцеловала и прошептала:

— Я согласна.

Это было трудное и счастливое время. Примерно через два месяца я вновь увидел синяк под глазом моего соседа. Он шел, как обычно улыбаясь, но я видел, что его нервы были на пределе. Он всегда был весел, но теперь, глядя на него, я не улыбался, а грустил. Я знал, что вся его жизнь ненастоящая, что он притворяется и ничего не говорит окружающим о собственных внутренних проблемах. Правильно ли это? Я решил, что нет, потому и понял, что, не признавшись своей девушке, стану таким же, как Майк, с черным куском лжи внутри. Я этого не хотел.

Мы с Майком начали меньше общаться. Я ссылался на усталость, на боль и на лень. Он просто кивал, не настаивал, но понимал все с одного взгляда. Его блестящая улыбка запомнилась мне надолго. Никто на моей памяти не улыбался так часто, как это делал Майк. Он был слишком приветлив.

Некоторое время мы не виделись. Для меня было неожиданностью узнать, что наш сосед умер. В последнее время мы с Майком начали отдаляться, как летящие в разные стороны птицы, но подсознательно я понимал, что Майк догадывался о моем поведении. Новость о том, что он повесился, облетела весь пляж. Сперва думали, что это убийство, ведь он был парень жизнерадостный, улыбчивый и приятный. Допраши-

вали всех подряд, меня с Леной в первую очередь. Полиция с собаками обыскивала пляж. Дело в том, что предсмертной записки не было, в обычном смысле слова. Мы с Леной в ту ночь не занимались сексом, сговорившись без слов, будто отдавая дань Майку. Я не хотел говорить, что именно он неосознанно вынудил меня признаться ей во всем. Не знаю, догадывалась она или нет, но дело не в этом.

После смерти Майка мы с Леной нашли подброшенный пакет. Он лежал под умывальником. На нем стояло мое имя. Мы посмотрели друг на друга. Я глядел на пакет с опаской, заглянул внутрь и едва не вскрикнул от удивления. Оттуда я достал куклу. Ту самую, что Майк использовал для снятия стресса. Она была неумело зашита и выглядела теперь сносно. Это была плюшевая собачка в ботинках и кепке. С ней была записка с одной-единственной фразой, предназначенной лично мне. Прочтя ее, я понял, что Майк все знал. Он догадался или просто заметил, как я входил к нему в тот день. Суть не менялась. Он все знал, но даже после этого искал моей поддержки, дружбы и теплых слов, которые друзья дарят один другому при любых болезнях вместо лекарств.

Я понял, что он сделал это сам. Я не мог объяснить это, просто знал. Мы были друзьями, и эта кукла, а вместе с ней и записка только подтверждали это. Он адресовал это мне, а потом повесился.

Я никому не рассказывал того, что знал. Через неделю дело закрыли, зафиксировав самоубийство.

— Что это за записка? — спросила Лена, когда мы лежали в кровати и смотрели через окно на появляющиеся огоньки.

— Это долгая история. Ты не сможешь понять. Иногда словами нельзя передать то, что покажет один-единственный поступок.

— Что означает ее содержание?

— Не знаю, — солгал я, решив сделать это во имя чести друга. Я лгал не ради себя, и потому это не считалось.

Этой ночью мы занимались любовью. Через два месяца мы поженились.

Воды было все так же много. Мы часто гуляли по морю. У нас появились новые соседи, мы с ними сдружились. Время летит быстро, когда вы с любимым человеком. Это правда. Работа не была тяжелой, и даже если так после случая с Майком я все начал воспринимать иначе. Мы с Леной продолжали гулять по воде, устраивать барбекю, пить перед сном пиво и часто заниматься сексом.

Лишь иногда темными ночами, когда Лена крепко спит, я беру куклу, выхожу на балкон и долго смотрю на море, ощущая прохладу. Я улыбаюсь и словно чувствую дыхание Майка, вижу блеск его улыбки и слышу его последний совет, написанный в записке:

Не доводи до этого.